

Глава 5

СВОБОДА В ГАВАНЕ
1898 ГОД: КРЮЧЬЯ

«Когда будешь готов, Гридли, можешь поджигать».
Коммодор Дьюи, 1 мая 1898 года.

— Ну вот, видишь, уже просохло. — Черногожий чертит ногтем сверху вниз по груди Карла. — А ты, Карл, верующий? — Не совсем.

— В инкарнации веришь? Ну, в то, что вы, небось, называете перевоплощением, я имею в виду.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. Ноготь чертит линию через живот Карла. Карл судорожно втягивает воздух. Лицо чернокожего внезапно вспыхивает белозубой улыбкой.

— Эй, да ты это серьезно? Это как понимать? Умышленное неведение? Знал бы ты, как много людей сегодня страдают от этого недуга!

— Оставь меня одного.

— Одного?

Карлу десять лет. Он сын мелкого производителя сигар в Гаване, на Кубе. У

деда Карла была сигарная фабрика, а потом она перешла к отцу Карла. Со временем эту фабрику унаследует Карл.

— Да, одного... О Боже!..

...Голос чернокожего становится нежным и воркующим.

— Что это за базар?

Карл удивленно смотрит на него. Он впервые слышит, как чернокожий непридуманно употребляет сленг. Меняется чернокожий, меняется.

Карл вздрагивает.

— Ты... ты... ты мне холодно делаешь...

— Тогда нам лучше нырнуть в постельку, старина.

— Ты совратил меня!

— Совратил? Ты из-за этого на меня наезжаешь? Картина маслом: «Совращение Невинности»!

Черногожий запкидывает свою красиво вылепленную голову и весело хохочет.

Карлу десять лет...

Черногожий наклоняется над Карлом и яростно впивается в его губы.

Карлу десять лет. Его мать умерла. Отцу пятьдесят. Брату Вилли — девятнадцать. По последним слухам, брат вместе с инсургентами воюет против испанцев.

Отец Карла не одобрил решения Вилли и отрекся от сына. Именно поэтому Карл должен унаследовать сигарную фабрику. В один прекрасный день Карл станет хозяином судеб почти сотни женщин и детей, работающих на фабрике, которые с утра до вечера скручивают различные сигары, столь ценящиеся во всем мире.

Правда, сейчас, когда американские корабли заблокировали порт, нельзя сказать, чтобы бизнес шел хорошо.

— Но война практически закончена, — говорит сеньор Глогауэр, — и вскоре все вернется на круги своя.

Было воскресенье. Над Гаваной разносился перезвон колоколов. Больших и маленьких. Во всем мире, казалось, царил сплошной колокольный звон. Выйдя из церкви, сеньор Глогауэр вместе с сыном шел вниз по Прадо, направляясь к центральному парку. С тех пор, как началась война, количество бродяг, казалось, увеличилось в четыре или пять раз. Сеньор Глогауэр любил ходить пешком. Вот и сейчас с брезгливым выражением на лице он вел своего сына через толпы оборванных попрошайек, прокладывая себе дорогу тростью. Время от времени какой-нибудь особенно отвратительный и настырный нищий получал ощутимый тычок тростью пониже живота. При этом сеньор Глогауэр улыбался и чуть-чуть поправлял свою роскошную белую шляпу. Костюм на нем тоже был белый. На Карле — матросский костюмчик кофейного цвета. Костюмчик был тесный, Карл шел и обливался потом. Отец Карла придавал особое значение этим воскресным пешим прогулкам. Он заявлял, что Карл должен узнать народ, среди которого живет, и не бояться его. Карлу необходимо уяснить, что все они жалкие, ленивые, трусливые ублюдки, поэтому не следует их опасаться, даже когда имеешь дело с целой стаей — как, например, сейчас.

Этим утром на Прадо была выстроена для смотра бригада волонтеров. Мундиры не по размеру сидели на них кое-как; далеко не у всех были винтовки. Однако маленький испанский лейтенант расхаживал взад-вперед вдоль шеренги с такой гордостью, будто он был Наполеоном, проводящим смотр Великой Армии. Разместившийся позади шеренги волонтеров военный оркестр наигрывал воодушевляющие марши и патриотические песни. Колокола, вопли попрошайек и оркестр создавали такую какофонию, что Карл чувствовал: еще немного — и его уши не выдержат. Звуки эхом отражались от стен изысканных отелей и официальных зданий по обеим сторонам авениды, от зеркальных черных окон магазинов с золотыми и серебряными надписями, выполненными в причудливой манере. Какофонию звуков дополняла какофония запахов. «Ароматы» близлежащих помоек; вонь, исходящая от нищих; резкие амбре пота и ваксы — от идущих под лучами солнца солдат... И забивающие все остальные запахи кофе, карамели и пищи из ближайших ресторанов.

Карл был рад, когда они достигли кафе «Инглатерра» на западной стороне центрального парка. Модное кафе, где было принято назначать встречи. Как всегда, здесь собрались посетители всех племен и народов, профессий и видов торговли. Сюда приходили испанские офицеры, бизнесмены и юристы, священники. Были здесь и дамы, разодетые в платья, яркостью расцветок соперничающие с оперением птиц из джунглей (кстати, большая часть платьев состояла из перьев, позаимствованных у этих самых птиц). Здесь были торговцы из всех европейских стран; были здесь английские плантаторы и даже несколько американских журналистов или табачных оптовиков — не разберешь. Люди сидели за столами, стояли в проходах, пили пиво, пунш, виски. Говорили, смеялись, ссорились. Народ толпился и внизу, в основном зале, и в баре наверху. Кто-то поздно завтракал, кто-то рано обедал, кто-то попросту пил кофе.

Сеньор Глогауэр и Карл вошли в кафе навстречу гомону голосов. Сеньор Глогауэр важно шел, кивая знакомым, улыбаясь друзьям. Наконец, он нашел место для себя.

— Думаю, тебе лучше постоять, Карл, пока не освободится второй стул, — сказал он. — Как всегда, лимонад?

— Спасибо, папа.

Карл мечтал об одном: поскорее окантоваться дома и засесть с книжкой в прохладном полумраке детской.

Сеньор Глогауэр изучал меню.

— Ну и цены! — воскликнул он. — Клянусь, с прошлой недели они выросли вдвое!

Человек, сидящий напротив, хорошо говорил по-испански, но явно был англичанином или американцем. Он улыбнулся сеньору Глогауэру.

— У вас в народе верно говорят. Вас держат в блокаде, но военные корабли, а ваши же торгошники.

Сеньор Глогауэр сложил губы в осторожную улыбку.

— Наш собственный народ разоряет нас, сеньор. Вы совершенно правы. Торговцы высасывают из нас все жизненные соки. Сейчас они все валят на американцев, но я знаю, что это все их рук дело. Они еще заранее забили все склады продовольствием, чтобы во время блокады нажить себе состояние. Вы посетили нас в трудное время, сеньор.

— Да, я понимаю, — сухо сказал незнакомец. — Когда американцы придут сюда, все будет лучше, ведь так?

Сеньор Глогауэр пожал плечами.

— Нет, если прав Ла Луча. Я читал вчера в газетах о тех зверствах, которые

американские бандиты учинили в Сантьяго. Они не просыхали от пьянства. Они воровали. Убивали честных граждан, стреляя в них просто так, для забавы. И это, скажу я вам, не самое худшее, — сеньор Глогауэр многозначительно посмотрел на Карла.

Подошел официант. Сеньор Глогауэр заказал кофе для себя и лимонад для Карла. Карл стоял и думал, едят ли американцы детей.

— Уверен, что газетчики преувеличивают, — сказал незнакомец. — Подумаешь, несколько отдельных случаев.

— Возможно. — Сеньор Глогауэр сложил руки на набалдашнике трости. — Но я боюсь, что если они придут сюда, я... или мой сын, мы можем оказаться одним из этих «отдельных случаев». Думаю, если американские бандиты войдут в Гавану, нас точно убьют.

Незнакомец рассмеялся.

— Я понимаю вас, сеньор. — Он повернулся в своем кресле и поглядел через окно в Парк. — Но рано или поздно Куба станет хозяйкой своей собственной судьбы.

— Возможно, — сеньор Глогауэр смотрел, как официант ставит перед ним кофе. — Вы не сочувствуете инсургентам? — Нет. А с чего бы мне им сочувствовать? Они свели на нет мой бизнес.

— Как я понимаю вас, сеньор! Ну ладно, мне пора.

Он встал. Карл про себя отметил, что человек этот выглядит больным и усталым. Незнакомец надел свою слегка потрепанную шляпу.

— Было приятно поговорить с вами, сеньор. Желаю удачи!

— И вам тоже удачи, сеньор!

Сеньор Глогауэр кивнул на пустое кресло. Карл с наслаждением уселся. Лимонад был теплый. У него вкус мошек, подумал Карл. Он посмотрел вверх, на лопасти огромных электрических вентиляторов, вращающиеся под потолком. Вентиляторы установили лишь в прошлом году, но на лопастях уже виднелись пятна ржавчины.

Немного позже, когда они вышли из кафе и не спеша шли через парк туда, где сеньора Глогауэра ожидал экипаж, перед ними вдруг появился испанский офицер. Он вытянулся и отдал честь. С офицером были четверо усталых солдат.

— Сеньор Глогауэр? — испанец слегка поклонился и щелкнул каблукми.

— Да, — сеньор Глогауэр нахмурился. — В чем дело, капитан?

— Мы хотели бы, чтобы вы прошли с нами, если вам угодно.

— Куда? И зачем?

— Речь идет о государственной безо-

шагали следом. Наконец офицер остановился возле ворот, у которые стояла охрана. Пройдя через ворота, они очутились на обширном дворе. Здесь капитан отпустил солдат и знаком пригласил сеньора Глогауэра идти за ним. Медленно, с достоинством сеньор Глогауэр поднялся по ступенькам и вошел в вестибюль. В одной руке он держал дорогую массивную трость, в другой была зажата ручонка Карла.

— Теперь сюда, сеньор.

Капитан указал на темный коридор с множеством дверей по обеим сторонам. Они пошли по коридору.

— Теперь, пожалуйста, вниз, по этой лестнице, сеньор.

Винтовая лестница вела в цокольный этаж здания. Тускло светили масляные лампы.

И снова лестничный пролет.

— Вниз, пожалуйста.

Пахло здесь еще хуже, чем на Прадо. Сеньор Глогауэр вытащил чистый белый льняной платочек и брезгливо прижал к губам.

— Где мы, сеньор капитан?

— В подвалах, сеньор Глогауэр. Здесь мы допрашиваем заключенных и так далее.

— Вы меня не?.. Я не?..

— Разумеется, нет. Вы частное лицо. Мы только просим вас о помощи, уверяю вас. Никто не сомневается в вашей лояльности.

Они входят в одну из камер. Стол посередине. На столе — мерцающая масляная лампа. Тени лениво ползают по стенам. В камере царит тяжелый запах плесени, пота и мочи. Одна из теней в углу застонала. Сеньор Глогауэр замер и уставился на нее.

— Мать Божия!

— Боюсь, это ваш сын, сеньор. Вы сами можете убедиться. Был схвачен всего лишь в двадцати милях от города. Заявляет, что он мелкий плантатор с той стороны острова. Но мы обнаружили его имя в бумажнике. А кое-кто случайно знал про вас. Ваши сигары, знаете ли. Они просто превосходны... Мы сложили два и два, а затем вы — мы вам очень признательны! — подтвердили, что ваш сын инсургент. Но нам хотелось быть уверенными, что это именно ваш сын, а не кто-то другой, завладевший его документами. И опять мы вынуждены выразить вам нашу благодарность.

— Карл. Прочь отсюда! — говорит сеньор Глогауэр, вспомнив о другом своем сыне. Голос сеньора Глогауэра дрожит. — Сейчас же!

— Там у двери стоит сержант, — говорит офицер. — Возможно, он даст вам что-нибудь выпить.

Но Карл уже успел увидеть грязные стальные мясницкие крючья, на которые были нанизаны запястья Вилли. Заметил синюю, с желтизной, воспаленную плоть вокруг ран, запекающуюся кровь. Он, Карл, успел увидеть искаженное страдальческой гримасой разбитое лицо Вилли, его покрытое рубцами тело, его обезумевшие, как у загнанного животного, глаза. С удивительным внутренним спокойствием Карл принял решение. Он выглянул в коридор. Коридор был пуст.

Когда его отец, наконец, вышел из камеры — вытирая пот, прося извинить его, оправдываясь, взывая к Богу и проклиная сына (и все это одновременно), — Карл уже исчез. Он размеренно шагал и шагал в сторону пригородов. Он собирался найти инсургентов, которые еще свободны.

Карл намеревался предложить им свои услуги.

— А почему ты не любишь американцев?

— Мне не нравится, что некоторые из них думают, будто мир принадлежит им.

— Но разве твой народ в течение столетий думал иначе? А сейчас разве он думает иначе?

— Это другое.

— А зачем ты собираешь игрушечных солдатиков?

— Просто собираю. Я так отдыхаю. Хобби.

— Ты их собираешь, потому что не можешь столь же легко и непринужденно управлять живыми людьми?

— Считаю, как тебе нравится. — Карл поворачивается на живот и тут же сожалеет об этом. Но он продолжает лежать, как лежит.

Он чувствует прикосновение к спине. Он ждал этого прикосновения.

— Теперь ты более уверен в себе, а, Карл?

Карл утыкается лицом в подушку. Он не может говорить.

Сверху на Карла наваливается тело чернокожего. На мгновение Карл улыбается. Не это ли имеется в виду под Бременем Белого Человека?

— Ш-ш-ш-ш... — говорит чернокожий.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ? (5)

У вас трое детей.

Одному восемь лет. Девочка. Другому — шесть лет. Девочка. Третьему всего несколько месяцев. Мальчик.

Вам говорят, что вы можете спасти от смерти любых двоих своих детей, но не всех троих. Вам дается пять минут на размышление.

Которым из детей вы пожертвуете?

пасности. Я объясню. Вы ведь отец Вильгельма Глогауэра, не так ли?

— Я отрекся от своего сына, — угромо сказал отец Карла Глогауэра. — Я не поддерживаю его взглядов.

— Вам известны его взгляды?

— Смутно. Насколько я понимаю, он за отделение от Испании.

— С прискорбием вынужден вам сообщить, что он гораздо более активный участник движения инсургентов, чем это вам представляется, сеньор. — Капитан посмотрел на Карла, будто ища у него поддержки. — Если вы сообразовали сейчас проследовать с нами, мы бы смогли быстро уладить это дело.

— Пойти с вами? А вы не могли бы задать мне свои вопросы прямо здесь?

— Нет. Как мы поступим с мальчиком?

— Мальчик пойдет с отцом.

На мгновение Карл подумал, что решение отца продиктовано страхом, что отец нуждается в его, Карла, моральной поддержке. Но, конечно же, это было глупо. Ведь отец такой гордый, такой уверенный в себе сеньор.

Они вышли из центрального парка и пошли по улице Обиспо. Четверо солдат